

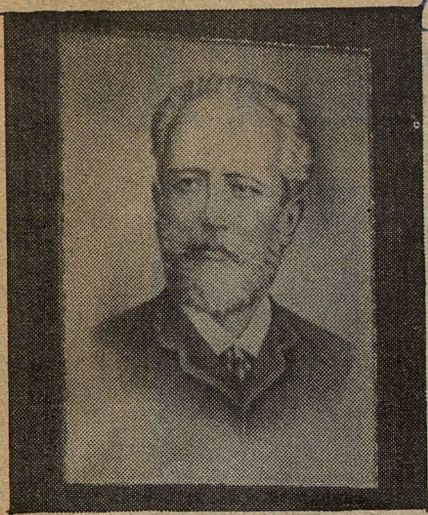
29 мая в десятый раз открылся Международный конкурс имени Петра Ильича Чайковского, конкурс, у истоков которого стояли Шостакович, Гилельс, Ростропович. По традиции молодым музыкантам представлены лучшие концертные залы Москвы — залы Консерватории и Концертный зал имени Чайковского, им аккомпанируют симфонические оркестры под управлением Василия Синайского, Павла Когана, Вероники Дударовой. Пройдут мастер-классы ведущих музыкантов мира... Но многое в этот раз будет впервые.

Впервые в жюри по исполнительским специальностям прославленные лауреаты конкурса прошлых лет. Председатель жюри — Лев Власенко.

Впервые в конкурсе мастеров смычковых инструментов объявлены премии в размере 10 000 долларов США — самые высокие среди конкурсов такого рода. Такую же премию получит и победитель конкурса певцов. Премии для победителей по другим специальностям — 5000 долларов.

Впервые Ассоциация лауреатов конкурса Чайковского учредила специальный приз за лучшее исполнение сочинений Чайковского в размере 1000 долларов.

Имена новых лауреатов будут известны 1 июля. Впереди — месяц волнений, напряжения, счастья. И праздника. Предлагаем вниманию читателей «ЛГ» разговор с теми, кто готовит будущих лауреатов, — членом жюри X Международного конкурса им. Чайковского, ректором Московской консерватории Михаилом ОВЧИННИКОВЫМ и ее профессором, пианистом Дмитрием БАШКИРОВЫМ.

Много лет назад профессор Московской консерватории великий Александр Гольденвейзер, к всеобщему изумлению, взял ассистентом своего не самого «правоверного» и известного ученика Дмитрия Башкирова...

В конце семидесятых профессор Московской консерватории, лауреат самых престижных конкурсов пианистов Дмитрий Башкиров попал в опалу и стал «невъездным». К счастью, это не помешало не только его исполнительской, но и педагогической деятельности — четверо его воспитанников стали лауреатами Международного конкурса Чайковского.

Сегодня Дмитрий Александрович, как и многие наши известные музыканты, живет и работает за границей — в Испании. Но, как и некоторые другие, все чаще возвращается с концертами на родину...

— Из благополучного, по нашим меркам, Мадрида вы приезжаете в Москву — неразбериха, грязь, перестрелки, а то и баррикады. Не хочется собирать чемодан и уехать?

— Хочется. Давно уже хочется, только не здесь, а в Мадриде собрать чемодан и вернуться в Москву.

— И что же останавливает?

— Ответственность за свою семью. Опасения не политического, не экономического, а криминального порядка. Я боюсь, что моего двенадцатилетнего сына, молодую жену в любой момент могут покалечить или просто убить. Иначе я преподавал бы сейчас не в Мадриде, хоть он мне и очень нравится, а в моей любимой Московской консерватории.

— От ваших учеников я слышала другую версию: темперамент маэстро настолько соответствует испанскому, что это и определило его выбор.

— Да, и мои мадридские друзья говорят — ты больше похож на испанца, чем сами испанцы. И вообще, с какого портрета Эль Греко ты сошел?..

— Три года назад меня, Захара Брона и Ивана Монигетти попросили поработать в новой высшей музыкальной школе королевы Софии. Я согласился, оговорив, что возьму с собой каких-то учеников, которых не хотел бросать. Называюсь я очень пышно — титулярный профессор, что отнюдь не титулярный советник. Это вышший титул, я как бы — заведующий кафедрой. Но самое забавное в том, что вся фортепианная кафедра заключена во мне. Точно так же, как Захар Брон — титулярный профессор, заведующий кафедрой скрипки — и есть все скрипичное отделение, как виолончелист Иван Монигетти, как выдающийся контрабасист Венской филармонии Штрайхер... Студентов у нас немного, в среднем человек по семь, мы их лично отбираем.

— Если контракт предложат продлить, вы согласитесь?

— Он уже был продлен на два года, но, признаюсь, становится нелегко. Хотелось бы провести мастер-класс в Московской консерватории, чтобы ниточка, которая нас связывает, не рвалась. Ну и я в Москву еду не с пустыми руками — в Рахманиновском зале уже прошел концерт моих воспитанников из Мадрида. А на их концерте в Малом зале не то что сидеть, стоять было нелегко. Потом ребята выступали в Твери и даже в Большом зале Петербургской филармонии. И я был счастлив. Знаете, моей дочери тридцать пять лет, она прекрасная пианистка, жила в Париже, сейчас в Берлине, очень часто выступает и не собирается возвращаться. Но она уехала из Москвы, когда ей было

(конкурс)

Дмитрий БАШКИРОВ:

Я обязательно вернусь

...ХОТЬ И ПОХОЖ НА ИСПАНЦЕВ ЭЛЬ ГРЕКО

восемнадцать. А я-то прожил всю жизнь здесь. Много разъезжал по свету, но всегда возвращался домой.

— Ностальгия?

— Ой, ну зачем это слово, как оно мне надоело! Оно слишком сентиментальное и какое-то манерное. Ну просто: я хочу жить дома. У меня один дом, и не хочу другого.

— А вот говорят, что художник — гражданин мира...

— Правильно. Я готов разъезжать по миру сколько угодно, в этом смысле космополитичен. Хотю и не меньший патриот, чем те, которые бьют себя в грудь. И впереди у меня очень интересные гастроли в Европе, Америке — это все прекрасно. Но жить я буду в Москве, хоть и похож на испанцев с полотен Эль Греко. Как только ситуация стабилизируется и не придется волноваться за свое семейство, обязательно вернусь. Года через два.

— Вы в этом уверены — почему?

— Во-первых, потому что я оптимист. Во-вторых, очень этого хочу. А это уже немало. Вы скажете, что еще недостаточно? Возможно. Но не станем же мы, в самом деле, анализировать политическую и экономическую ситуацию — я могу за чашкой чая с вами судачить, а не на страницах такой уважаемой газеты. Я только хочу, чтобы так было, и верю в это.

— И все же любопытно, как человек отсюда оценивает здешнюю ситуацию?

— А я не человек отсюда. В этом-то все и дело. Понимаете, у меня оказались здесь очень крепкие корни, я это понял еще тогда, когда меня травил в так называемые застойные времена, потому и не эмигрировал. Я прирос к этой жизни со всеми ее ужасами и всеми замечательными проявлениями, а их немало, поверьте. Вот элементарно: иду к себе домой от метро — проходной двор, какое-то учреждение, ворота закрыты, а их поклажей, с чемоданом, пакетами, ну, думаю, придется обойти. И вдруг какая-то бабушка, которая этой неудобной метлой подметает сор во дворе, говорит — ничего, милый, сейчас пойду ключ поищу, авось найдется. Идет куда-то, приносит ключ, открывает замок и пропускает меня. Нигде больше никогда в жизни вы этого не увидите. На фоне хамства, грубости, невероятной озлобленности — неисчерпаемое какое-то человеческое отношение... Или вот. Приезжаю в Москву. Утром звонят соседи: Дмитрий Александрович, скорей идите мыться, в десять отключат горячую воду. Разве мыслимы там подобные отношения с соседями — да плевать им, буду я мытый или грязный ходить. Они о себе подумают, им и в голову не придет позаботиться обо мне. Это же мелочи? Да, как будто...

— Или вот приезжаете, а на улицах Москвы танки и кровь — это уже не мелочи...

— К сожалению, у нас все держится на крайностях. Но именно чувство меры — признак цивилизованности общества и в какой-то степени каждого индивидуума. Вы скажете, что в искусстве люди, лишённые этого чувства, часто создавали выдающиеся, особой совершенной силы произведения — разве было оно у Достоевского, Ван Гога, у пианистки Марии Юдиной?.. Но хоть общество и состоит из индивидуумов, воля и идеи которых чрезвычайно ценны, поскольку питают его, но в жизни, земной, реальной, невозможно руководствоваться их чрезмерностью. Потому что в обществе она в конечном счете уравновешивается недостаточностью других. А если все мы начинаем жить по чрезмерным законам — это катастрофа.

— И все же вернемся к профессии. Ощущаете ли вы как национальное бедствие утечку умов и талантов? Существует ведь и другая точка зрения — в России переизбыток ученых, писателей, музыкантов...

— Ну скажите, каких-таких, например, выдающихся исполнителей мы лишились, особенно среди пианистов? Я считаю, что большая часть нашего творческого потенциала все-таки сосредоточена в России. Да, есть определенный спад в музыкальной культуре, я же не говорю, что его нет. Действительно, кто-то уезжает, но остаются не менее талантливые исполнители, квалифицированные педагоги, потрясающие одаренные ребята, и все время появляются новые. А если средние, хорошие

профессиональные ремесленники не могут прокормить семью и уезжают, если им улыбнется счастье и не придется думать о хлебе насущном, — что в этом плохого?

— И все же в последнее время все чаще приходится слышать о кризисе отечественной исполнительской школы...

— Ну, это уже другой вопрос, причем не связанный с эмиграцией. Дело в том, что наша школа прекрасно «ставила» технику, давала хорошее, крепкое ремесло, но чем дальше, тем больше забывала о развитии индивидуальности — ее вытравляла не только система музыкального образования, но и вся наша советская жизнь. А ведь национальная школа, та или иная, — это прежде всего сочетание ярких творческих индивидуальностей, артистических или педагогических.

— Но нужна ли этим индивидуальностям национальная опора или, по-вашему, музыкальная школа может существовать и вне национальной почвы?

— Вы знаете, может. Какие пианистические традиции дошли до наших дней? Те, что основаны на мастерстве братьев Рубинштейнов, Рахманинова, Танеева и вообще культуры конца XIX — начала XX века. Мой учитель Александр Борисович Гольденвейзер молодым человеком был принят в доме Льва Николаевича Толстого и, скажем, впитал эту культуру, ее традиции. А с другой стороны, Генрих Густавович Нейгауз, воспитавший блестящую плеяду мастеров, — безусловно, тоже представитель нашей школы. Но, простите, он вырос и учился в Вене, в Берлине... А Горовиц, американский пианист, — разве это не русская традиция? Кстати, почему мы говорим только о школе исполнительства? Возьмите Чайковского — он невероятно русский композитор, правильно? Сугубо национальный, наша гордость. А разве это не европеизированный композитор? Почему его творчество настолько популярно — потому что он понятен всем, каждого берет за душу. Почему Мусоргский так любим на Западе — по противоположной причине. В его произведениях слышится наша природа национальная, диковая, необузданная, неевропеизированная, сила русского народа и драматизм его судьбы. Вот вам два совершенно разных направления классической музыки — и оба невероятно ценны.

— Получается, что вопрос самой по себе традиции и школы очень относителен.

— Особенно в наши дни, когда общая мировая коммуникабельность стирает все границы, тем более школ. Вероятно, сейчас нужно говорить не столько о школах, сколько о менталитете. Вот французская школа — она более рафинирована, гладка, невероятно культурна, очень музыкальна, отшлифованна, но без той открытости, которая характерна для русской. И дело тут не в особенностях пианистических школ, а в разнице менталитетов. И пожалуй, сейчас у меня занимается мальчик из Ташкента — наполовину узбек, наполовину еврей, а играет как типичный представитель русской школы, потому что его темперамент, эмоциональность и драматизм похожи на менталитет, который проявляют на сцене или на концертной эстраде выдающиеся русские актеры, музыканты... Всякое обособление в музыке — это тоже своего рода национализм, а он смертелен. На мой взгляд, нам просто необходимо посылать живительные токи «чужому» искусству и самим брать у него все новое и интересное. Сейчас этот обмен и происходит. Просто мы, как всегда, меры не знаем, не нашли разумного сочетания и больше отсюда тащим. Наступил какой-то переходный период в искусстве вообще, а в музыке — в композиторском. Исполнительство более консервативно, это лишь наполовину творчество, мы имеем право только интерпретировать уже готовый материал, и все новшества должны быть этим лимитированы. А границы, которые нельзя переходить, определяются собственным знанием, культурой, интуицией, профессионализмом. И талантом.

Беседу вел Надежда ВЫСТАВКИНА